

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COGNITIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-861-875

УДК 81'23:316.7

Научная статья / Research article

Введение в психолингвистическую теорию межкультурного общения

Е.Ф. Тарасов

Московский городской педагогический университет (МГПУ),
129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4

 eft35@mail.ru

Аннотация. Межкультурное общение (МКО) — речевая активность коммуникантов (носителей разных этнических культур), направленная на организацию совместной деятельности (СД). В речевом общении (РО) в рамках одной этнической культуры коммуниканты конструируют речевые сообщения, состоящие только из тел языковых знаков и понимаемые при облигаторной общности сознаний коммуникантов. Говорящий отображает реальную действительность при помощи образов своего сознания, которые он вербально моделирует и предлагает для смыслового восприятия реципиенту, последний эту вербальную модель использует как программу конструирования из образов своего сознания содержания воспринятого сообщения. Общение, опосредованное знаками, предполагает у коммуникантов общность образов сознания и языка. Отсутствие такой общности у коммуникантов в МКО является источником когнитивных конфликтов, которые могут быть устранены в ходе инструктивного обучения коммуникантов и создания у них общности сознаний и языка или при использовании посредника (переводчика) как носителя необходимой общности. Взаимопонимание коммуникантов МКО возможно в случае предварительного установления дефиниций ключевых слов в речевых сообщениях. Для достижения взаимопонимания при помощи образов неязыкового сознания у коммуникантов — носителей разных этнических культур, требуется предварительное знакомство с этими образами. Теоретическое обоснование достижения взаимопонимания в МКО может опереться на теорию образа мира А.Н. Леонтьева, а также на трехуровневую модель образа сознания А.Н. Леонтьева — В.П. Зинченко, состоящую из бытийного, рефлексивного и духовного уровней. Образ мира А.Н. Леонтьева — это совокупность знаний, формируемая каждым носителем этнической культуры в процессе инкультурации и позволяющая ему ориентироваться в реальной действительности. Бытийный уровень содержит познавательные средства, обеспечивающие ориентировку в среде обитания этноса, на рефлексивном уровне локализуются знания о реальной дей-

© Тарасов Е.Ф., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ствительности, обеспечивающие выживание этноса в этой действительности. На духовном уровне в процессе общения носителя сознания с другими индивидами формируется человеческое отношение к реальной действительности.

Ключевые слова: межкультурное общение, совместная деятельность, общность сознаний, когнитивный конфликт, конструирование содержания

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2022

Дата приема в печать: 15.08.2022

Для цитирования:

Тарасов Е.Ф. Введение в психолингвистическую теорию межкультурного общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 861–875. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-861-875>

Introduction to Psycholinguistic Theory of Intercultural Communication

Evgeny F. Tarasov

Moscow City University (MPGU),
4, 2nd Selskhozoyastvenny Str., Moscow, Russian Federation, 129226
 eft35@mail.ru

Abstract. The author analyzes intercultural communication (IC): the speech activity to organize joint activities in a multicultural environment. In course of communication within a single culture, communicants produce speech messages that involve only linguistic signs bodies and require common consciences for understanding. The speaker presents the reality with images of one's verbally modeled consciousness to the recipient for perception; the latter uses this model to construct the perceived message content from the one's consciousness images. The sign communication suggests a common language and images of consciousness. There isn't seen any common consciousness in IC results in cognitive conflicts requiring instructive training to develop common consciousness and language, or an intermediary (interpreter) as a bearer of the proper consciousness. Understanding in IC requires preliminary definitions of key words in speech messages. Understanding with non-linguistic consciousness images among bearers of different ethnic cultures requires a preliminary acquaintance with these images. The theoretical underpinning of understanding in IC can involve A.N. Leontiev's world image theory and the three-level model of the consciousness image by A.N. Leontiev — V.P. Zinchenko, including existential, reflective and spiritual levels. The world image is knowledge developed by an ethnic culture bearer in the enculturation to navigate in the reality. The existential level contains cognitive means providing for the orientation in the ethnic environment, at the reflexive level, the knowledge about reality ensures the ethnic survival in this reality. At the spiritual level, the consciousness bearer communicates with other individuals resulting in a human attitude to reality.

Keywords: cognitive conflict, common activity, common consciousness, content construction, intercultural communication

Article history:

Received: 01.06.2022

Accepted: 15.08.2022

For citation:

Tarasov, E.F. (2022). Introduction to Psycholinguistic Theory of Intercultural Communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 861–875. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-861-875>

Введение

Любой акт человеческого общения и тем более межкультурного общения (МКО) характеризуется многомерностью феноменологии, что затрудняет теоретическое рассмотрение общения людей неидентичных культур и языков. Уменьшение многомерности феноменологии выливается в задачу четкости границ объектной области МКО. Следовательно, при психолингвистическом анализе МКО (обычно называемого МКК) важно обозначить (очертить) нашу объектную область, ибо с позиций разных научных дисциплин (кросс-культурной психологии, культурологии, лингвистики, психолингвистики и межкультурной коммуникации) она членится неидентичным образом.

Кросс-культурная психология, например, у Дж. Берри [1] и Д. Мацумото [2], исследует, в первую очередь, формирование психики человека под влиянием своей культуры или адаптацию иммигранта к новой культуре, культурология в работах А.Я. Флиера, например [3], изучает систему конвенций в общении, позволяющих человеку становится личностью и функционировать в качестве члена социума, лингвистика усилиями Э. Сепира [4] и Б.Л. Уорфа [5] формирует проблему влияния языка на внешнюю активность человека. Все эти дисциплины изучают человека, общающегося на территории, что важно, своей *этнической культуры* и, естественно, воспринимающего реальную действительность при помощи *образов сознания, детерминированных своей культурой*, или изучает иммигранта, усваивающего образы сознания, носителей *чужой культуры*.

Методология

Психолингвистический подход к анализу МКО накладывает естественные ограничения на определение границ объектной области нашего анализа, которые состоят в следующем. Речевое общение (РО) — это сложный процесс, включающий в себя внешние предметные (семиотические) и внутренние, собственно психические звенья. Обозначение «психолингвистическая теория МКО» определяет, что предлагается попытка исследовать в МКО как внешние (наблюдаемые) речевые, так и внутренние (ненаблюдаемые) звенья речевых действий, при помощи которых коммуниканты воздействуют друг на друга. Указание на речевые побуждающие действия следует понимать, что речевое общение анализируется в деятельностной субъект-объектной парадигме.

Речевое общение не имеет самостоятельного существования: оно развертывается, во-первых, ради организации самого РО, во-вторых, для организации и осуществления совместной деятельности (СД).

Самая существенная характеристика РО состоит в том, что регулирование совместной активности коммуникантов, конечной целью которой является организация и осуществление СД, происходит при помощи знаков, которые производятся говорящим и предъявляются для смыслового восприятия реципиенту в виде предметов (тел знаков), ассоциированных с определенными знаниями в сознании коммуникантов. Предметная характеристика знаков, т.е. тел знаков, состоит в возможности быть произнесенными артикуляторным аппаратом говорящего (или быть зафиксированными на каком-либо носителе) и быть воспринятыми слуховыми или зрительными рецепторами слушающего.

Но знак в виде предмета (тела знака) может выполнить свою функцию только в случае определенной идентичности у обоих коммуникантов знаний, ассоциированных с одним и тем же телом знака.

Дело в том, что вопреки распространенной метафоре о «передаче информации» в общении, опосредованном знаками, знания не передаются, а конструируются реципиентом из своих собственных знаний каждый раз заново, при ориентировке только на цепочку тел языковых (и неязыковых) знаков, образующих речевое сообщение (поэтому люди, обладающие неидентичными знаниями, понимают одно и то же сообщение по-разному).

Очевидно, что предпосылкой эффективного знакового общения является идентичность знаний о языке и о мире у коммуникантов: языковые знания позволяют ориентироваться в речевой цепочке, а общность знаний о мире дает возможность говорящему строить мысль и отображать ее вербально (при помощи цепочки тел знаков) в форме, уместимой для реципиента. Иначе говоря, продуцент речи для ориентирования реципиента в некоторой реальной ситуации должен при помощи образов своего индивидуального сознания сконструировать мысль, отображающую эту ситуацию, а затем отобразить (смоделировать) эту мысль при помощи образов общественного сознания, ассоциированных с телами знаков этнического языка, общего для коммуникантов (подробнее см. у А.О. Прохорова [6]).

Но образы общественного сознания, идентичные в сознании коммуникантов, в самой речевой цепи, состоящей только из тел языковых знаков, никак не представлены. Реципиент, воспринимая цепочку тел языковых знаков, должен трактовать эту цепочку только как программу конструирования из образов своего сознания (идентичных с образами общественного сознания остальных носителей языка и, естественно, самого говорящего) содержание воспринятого речевого сообщения, существующего только в виде этой цепочки тел языковых знаков.

Л.Ф. Чертов, анализируя языковой способ информационной связи, показал, что реципиент, воспринимая речевое сообщение в форме цепочки тел языковых знаков, полагает его только как некоторую программу производства содержания речевого сообщения из собственных знаний, а не знаний говорящего [7. С. 25–26].

Из этого утверждения следует вывод чрезвычайно важный для понимания проблем МКО: общение при помощи знаков возможно только в том случае, если знания коммуникантов, ассоциированные с одним и тем же телом знака, идентичны в той степени, которая позволяет им понимать друг друга. Следует заметить, что в философии вопрос общности сознаний в форме проблемы «другого сознания» (ДС) интенсивно обсуждается, например, в работах Д.И. Дубровского [8–10], Н.М. Смирновой [11], В.П. Филатова [12], J. Wisdom [13], А. Nyslop [14].

Современный аспект проблемы ДС осмысливается как решение задачи понимания подлинных намерений участника СД. С позиции интересующей нас проблемы МКО эта задача трансформируется в задачу понимания сознания членов некоторой другой этнической общности.

Поиски решения проблемы ДС замыкаются на принцип «аргумент по аналогии», согласно которому понимание ДС опирается на понимание собственного сознания по его внешним проявлениям. Если я наблюдаю подобные внешние проявления у другого, то я приписываю другому мое собственное сознание [10. С. 158]. Очевидно, что «аргумент по аналогии» позволяет усмотреть в ДС только то знание, которым я обладаю, и не позволяет усмотреть то знание, которым я не обладаю. Можно полагать, что подобное решение проблемы ДС с точки зрения науки не является удовлетворительным, хотя в обыденной жизни люди удовлетворяются этим, компенсируя непонимание знакового поведения координацией индивидуальных вкладов в процесс СД, что находит свое объяснение в гипотезах «народной психологии» (folk-psychology).

Результаты исследования

Анализируя параметры РО в родной культуре, можно считать, что

- любой акт человеческого общения характеризуется многомерностью феноменологии;
- любой акт человеческого общения связан с СД, т.к. он прямо или опосредованно развертывается только ради организации и осуществления СД;
- акты речевого общения на территории обитания этноса осуществляются в инфраструктуре своей этнической культуры личностями, деятельностно присвоившими эту культуру, которая послужила субстанцией их сознания, обеспечивающей общность этого сознания у коммуникантов;

- знаковое общение возможно только при общности знаний у коммуникантов об образах индивидуального неязыкового сознания, отображающего предметы реальной действительности; о телах языковых знаков их этнического языка и об образах общественного языкового сознания, ассоциированных с этими телами языковых знаков.

Психолингвистический подход к МКО позволяет очертить его объектную область: это процесс речевого общения коммуникантов, сотрудничающих в структуре СД и пользующихся услугами переводчика, т.е. каждый использует свой этнический язык. Следует специально подчеркнуть, что в объектную область психолингвистической теории МКО непременно входят коммуниканты, которые присутствуют в модели МКО своими телами, снабженными рецепторами, позволившими им при деятельностном овладении этнической культурой сформировать сознание, обусловленное специфической для каждого этноса общественной практикой.

За языком каждого человека стоит мир, в котором действует человек, но мир, отображаемый сознанием говорящего человека.

Именно сознание, отображающее мир, позволяет человеку как носителю определенной этнической культуры ориентироваться в реальной действительности, и именно это отображение обуславливает речевую и неречевую активность человека.

Необходимость введения представления о теле человека в модель МКО вытекает из того, что знание, несовпадение которого в сознании коммуникантов в рамках МКО является причиной непонимания, нуждается в теле человека как носителе этих знаний, с неидентичными характеристиками неязыкового сознания и неидентичными вербальными моделями этого сознания, что делает модель МКО отличной от модели внутрикультурного общения.

Необходимость введения человека в объектную область как носителя определенной истины следует из представления, сформированного в философии в рамках постклассического типа научной рациональности, который, цитируя В.С. Степина, «учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций (познавательной — *E.T.*) деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. При чем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями» [15. С. 634].

С достаточным основанием можно утверждать, что истина пристрастна, она очевидным образом зависит не только от познавательных средств и от знаний, привносимых в процесс познания, но и от ценностно-целевых установок, носителем которых является сам субъект познания.

Неклассическая психология аналогичным образом пытается сформировать познавательные постулаты, содержащие принципиальную слиянность субъекта и объекта познания. А.Г. Асмолов пишет по этому поводу: *«Наблюдаемое и наблюдатель — две вещи неразрывные, неклассическая пси-*

хология осознанное вмешательство в жизнь делает своим принципом. Для неклассической психологии мало заявить принцип неразрывности субъекта и объекта. Она превращает принцип конструирования жизни в исходный пункт своего исследования, а само исследование неизбежно рассматривает как проектирование феноменов» [16. С. 238].

Если принцип неразрывности субъекта и объекта познания внести в психолингвистическую теорию МКО, то она обернется утверждением о неидентичности образов одного и того же носителя конкретной этнической культуры в сознании носителей других этнических культур. Очевидно, что, если учитывать исторические связи, например, немцев и сербов (болгар) с Россией за последние 150 лет, то немецкий образ русского, с одной стороны, и тот же образ русского в сознании сербов и болгар, с другой стороны, будет неидентичным.

Нужно признать, что этот феномен давно привлекает внимание исследователей и уже закреплен в терминах «этнические авто- и гетеростереотипы».

Неидентичность этнического гетеростереотипа в сознании носителей разных этнических культур освоена и исследована в художественном дискурсе. В европейском культурном регионе в XX столетии наибольшую известность приобрели работы П. Даниноса «Записки майора Томпсона» и «Лексикон прописных истин» Г. Флобера, хотя эту традицию описания чужих культур, вероятно, нужно возводить к Марко Поло и Геродоту.

В современной лингвистике этнические стереотипы изучаются в рамках лингвистической имагологии, представителем которой является Е. Бартминьский [17].

Достаточно длительную традицию исследования проблем культурного опосредования психики человека имеет культурно-историческая психология и социальная психология, достаточно назвать работы Л.С. Выготского [18], И.С. Кона [19], М. Коула [20], А.Н. Леонтьева [21].

Таким образом, введение человека в объектную область психолингвистической теории МКО вынуждает исследователя рефлексировать проблему неидентичности знаний коммуникантов в акте МКО, используемых для конструирования образа партнера по общению и образа его РО и деятельности.

Что необходимо знать коммуникантам о своем партнере? Важнейшими характеристиками партнеров по общению можно считать *познавательные возможности* партнера, его *потребностно-мотивационную* сферу (потребности и предметы, их удовлетворяющие) и соотношение социальных статусов партнеров в той социальной системе, в которой они планируют свое взаимодействие, обслуживаемое МКО: конкретный акт МКО может осуществляться по правилам этнической культуры одного из участников МКО (торговая сделка на территории конкретной этнической культуры и т.п.) или по некоторым международным правилам (на международной торговой выставке или в ООН).

Познавательные возможности собеседника в его этнической культуре определяются путем проецирования на него своих собственных знаний о себе как члене этноса с естественным учетом поправок на пол, возраст, профессию собеседника и прочие качества, прогнозируемые с опорой на знаки, расположенные на теле собеседника: так называемая «социальная кожа» (одежда, качество и цвет ткани, покрой, прическа, цвет кожи, украшения, знаки отличия на униформе и т.п.) или расположенные в интерьере, где проходит общение.

Все эти знаки относятся к так называемым языкам культуры, которые изучаются культурной семантикой, например, в работах Р. Барта [22] и Ж. Делёза [23].

Таким образом, специфику психолингвистического подхода можно усмотреть в попытках ввести в объектную область теории МКО *внутренние звенья построения речевого высказывания*, из которых самыми важными звеньями являются два звена: во-первых, это звено формирования содержания будущего высказывания при помощи образов индивидуального сознания, которое, как уже упоминалось, состоит из образов, сформированных действительно в индивидуальных актах восприятия говорящего, а также из образов, значения которых сформированы, по словам А.Н. Леонтьева [21. С. 106] «совокупной общественной практикой» и ассоциированы с телами знаков этнического языка; во-вторых, это перевод содержания высказывания из образов индивидуального сознания в образы общественного сознания, существующие в форме значений слов внешней речи, предназначенной для смыслового восприятия другими людьми, носителями идентичной этнической культуры и языка, которые для понимания речевых высказываний переводят, в конечном итоге, их содержание в образы своего индивидуального сознания.

Можно полагать, что именно в образах индивидуального сознания участников МКО и в их вербальных моделях содержатся причины непонимания ими друг друга.

Специфика образов сознания носителей конкретной этнической культуры обусловлена уникальностью культурных предметов, изготавливаемых из наличных природных материалов и с помощью технологий, имеющих в распоряжении членов этноса.

После того, как мы эскизно показали деятельностьную онтологию процесса РО в поле одной этнической культуры, мы попытаемся показать, чем отличается сознание носителей одной этнической культуры от сознания носителей иной этнической культуры, полагая, что именно это отличие является причиной непонимания в МКО и, следовательно, является основанием перманентного когнитивного конфликта, в котором находятся носители разных этнических культур.

Для объяснения воспользуемся уровневой моделью сознания А.Н. Леонтьева — В.П. Зинченко, которая, по нашему мнению, является

наиболее адекватной в наше время. В.П. Зинченко квалифицирует эту модель как уровневую, состоящую из слоев и частей этих слоев, называемых образующими [24. С. 249–279]. Первый, низший слой сознания — это бытийный уровень сознания с двумя образующими — биодинамической тканью живого движения и действия и чувственной тканью образа сознания. Рефлексивный слой сознания образуют значение и смысл познаваемого объекта реальной действительности. образующие бытийного уровня — чувственная ткань и рефлексивного уровня — значение и смысл были предложены А.Н. Леонтьевым [21. С. 93–118], а образующие бытийного уровня — биодинамическая ткань живого движения и действия были предложены В.П. Зинченко [24. С. 257]. Кроме того, он, полагая, что двуслойная структура сознания не является адекватной моделью, добавляет третий слой сознания, назвав его духовным [24. С. 265].

Биодинамическая ткань, по В.П. Зинченко, «это обобщенное наименование для различных внешних характеристик живого движения и предметного действия: траектории, амплитуды, скорости, ускорения и т.п.» [24. С. 257]. В широком смысле биодинамическая ткань — это познавательные действия человека, направленные на обследуемый объект реальной действительности, от динамических характеристик которых зависит результат познания, чувственная ткань образа.

Процесс восприятия конкретного объекта ведет к формированию сенсорного (чувственного) образа определенной психической модальности (зрительной, слуховой и т.п.), который находится постоянно в процессе становления, хотя и выполняет функцию узнавания опознаваемого явления: «живое движение участвует в порождении образа, живой образ, в свою очередь, может быть вибрирующим, напряженным, мучительным и зыбким, т.е. таким же подвижным, как смысл и движение. Он подвержен оперированию, манипуляциям и трансформациям» [24. С. 238].

Процессуальная форма сознания, незавершенность его в каждый конкретный момент не мешает ему быть эффективным средством ориентировки в текущей деятельности индивида. Эта постоянная готовность нашего сознания быть средством ориентировки в реальной жизни обозначается В.П. Зинченко как чудо перехода от сукцессивности к симультанности восприятия мира. «Таким же чудом является поразительная готовность нашей памяти, практически мгновенно выбирающей из ее не имеющего отчетливых границ объема то, что нужно в данный момент» [24. С. 239].

Если тезис о возможности перехода сознания, памяти, мышления человека от сукцессивности к симультанности восприятия мира соотносится с проблемой этнокультурной специфики любого человеческого сознания, то мы можем сделать вывод о том, формируется ли сознание носителей конкретной этнической культуры в процессе их обитания в определенном природном ландшафте, лимитирующим естественным образом

способы сознания культурных предметов, потребляя которые, этнос обеспечивает свое существование. Имея дело с определенными элементами природного ландшафта этнос создает предпосылки для его симультанного восприятия, что приводит к созданию образа родного ландшафта, к созданию устойчивого образа родной страны, который транслируется из поколения в поколение.

Почти каждый современный этнос имеет устойчивый образ родного ландшафта, жилищ, сельских и городских поселений, людей своего этноса, культурных предметов, эти образы служат средством ориентировки в родной культуре. Как это ни звучит парадоксально, но эти же средства позволяют ориентироваться в чужой культуре, так как у любого человека, познающего чужую культуру, нет других средств. Из этой мысли можно сделать вполне нетривиальный, хотя и очевидный вывод о том, что чужую культуру обычный человек может познать только при помощи знаний своей культуры и, следовательно, чужая культура для познающего будет существовать только «в редакции» культуры последнего.

В функционировании неязыкового сознания решающую роль играют перцептивные образы в форме образов воспоминания, служащих перцептивными эталонами в познавательных процессах.

Второй уровень сознания в модели А.Н. Леонтьева — В.П. Зинченко — это рефлексивный уровень, содержащий две составляющие: значение и смысл. По А.Н. Леонтьеву, значение — это «общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность, ... идеальная форма предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» [21. С. 105–106]. В онтогенезе значение есть «результат процесса присвоения “готовых” исторически выработанных значений ... , и этот процесс проходит в деятельности ребенка, в условиях общения с окружающими людьми. Обучаясь выполнению тех или иных действий, он овладевает соответствующими операциями, которые в их сжатой, идеализированной форме представлены в значении» [21. С. 107]. Но значение имеет две формы существования: объективное значение для общества и значение для субъекта. Для последней формы значения А.Н. Леонтьев предложил обозначение «личностный смысл», который существует в форме значения, актуального в какой-либо конкретной деятельности (здесь и сейчас) или имеет форму длительного существования в жизни конкретного человека.

В связи со значением целесообразно упомянуть предложенное А.Н. Леонтьевым понятие образа мира как совокупности знаний, выработанных конкретным этносом и данных каждому члену общества в качестве знания о мире, которое есть средство его постижения, т.е. образ мира — это достояние конкретного этноса, то, что отличает его от других этносов [25. С. 251–261].

Третий слой сознания, духовный слой, предложен В.П. Зинченко в качестве ведущего. В своих попытках построить представление о духовном слое сознания он опирается на Г. Гегеля, М. Бубера и М.М. Бахтина, различая в качестве образующих субъективное *Я* и объективного *Другого (Ты)*. Характеристики духовного слоя в качестве ведущего, по В.П. Зинченко, основываются на том, «что формированию человеческих отношений к миру, в соответствии с их взглядами, предшествует вращивание человеческого отношения к человеку, в чем, видимо, и заключается подлинная духовность, подлинная со-бытийность жизни и истоки сознания» [24. С. 268].

Речь неразрывно связана с сознанием, выступая в двух функциях: с одной стороны, она является вербальной моделью неязыкового сознания, отображая сознание конкретного субъекта во внешней форме для иных наблюдателей, а, с другой стороны, она играет роль перцептивного эталона во внутренней речи субъекта сознания, категоризируя образ познаваемого объекта и относя его к уже известным классам предметов.

Неязыковое сознание конкретного этноса, отображающее в первую очередь ландшафт среды обитания, ставит определенные ограничения для познания неязыкового сознания этноса, проживающего в другом природном ландшафте. А.И. Бочкарев, разделяющий взгляды Л.Н. Гумилева на теорию этногенеза, цитирует его: «Этнос не социальное, небιологическое явление, по мнению Л.Н. Гумилева, скорее, его следует “...считать явлением географическим, всегда связанным с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос. А поскольку ландшафты Земли разнообразны, разнообразны и этносы”» [26. С. 27].

Возможности естественных языков отображать содержание неязыкового сознания носителей любой этнической культуры практически безграничны. В процессе общения коммуниканты в МКО, так и во внутрикультурном общении, опираясь на имеющиеся знания, могут сформировать речевое сообщение, содержание которого отображает любой фрагмент реальной действительности. Для этого носители языка используют в речевых сообщениях языковые единицы с прямыми, переносными значениями или со значениями, формируемыми *ad hoc*, как это делается при создании терминов.

При помощи вербального моделирования образов неязыкового сознания участники МКО, используя различные технологии, могут составлять, например, международные договоры, в которых каждый участник этих соглашений пытается соблюсти собственные интересы в условиях постоянного противодействия. В качестве примера таких вербальных технологий приведем «Венскую конвенцию о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 г.» Статья 2 называется «Употребление терминов» и содержит пункт 1 «Для целей настоящей Конвенции: а) „Договор“ означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, ...; б) „Ратификация“, „принятие“, „утверждение“ и „при-

соединение“ означают, ...; с) „Полномочия“ означают ...; d) „Оговорка“ означает ...» [27]. Следующие статьи Венской конвенции регулируют манипуляции с текстом любого договора, дающие возможность добиться однозначного понимания текста договора, составленного, по крайней мере на двух разных государственных языках: «Статья 9. Принятие текста»; «Статья 10. Установление аутентичности текста»; «Статья 19. Формулирование оговорок»; «Статья 20. Принятие оговорок и возражения против них»; «Статья 31. Общее правило толкования»; «Статья 33. Толкование договоров, аутентичность текста которых была установлена на двух или нескольких языках» [27]. Таким образом, в МКО взаимопонимание коммуникантов может быть осуществлено при помощи переводчика на национальном языке каждого из коммуникантов; в случае международных договоров — посредством аутентичных текстов на разных национальных языках, в которых ключевые слова имеют заранее согласованное значение, а кроме того, каждый коммуникант, ориентируясь на цели своей деятельности придает им свой *смысл*.

Вероятно, не будет неожиданным вывод, что различие в образах сознания участников МКО следует искать в различиях культурных предметов и технологий их изготовления и потребления. Эти различия становятся достоянием сознания в ходе интериоризации, осуществляющейся в СД взрослого и ребенка, по А.Н. Леонтьеву, погруженной в речь [28].

Это значит, что любой культурный предмет, воспринимаемый человеком, существует не только объективно в своих связях с другими предметами, но и субъективно как предмет, обладающий значением, сформированным в конкретной этнической культуре. А.Н. Леонтьев пишет, что «...всякая вещь первично положена объективно — в объективных связях предметного мира, что она — вторично — полагает себя также и в субъективности, чувственности человека, и в человеческом сознании (в своих идеальных формах)» [25. С. 251].

Если единицами первого звена в модели производства речи являются образы сознания, то единицами последнего звена являются тела языковых знаков, продуцированные во внешней форме в виде звуков или графем, вместе с ассоциированными с этими телами знаков языковыми значениями. Из концепции образа мира А.Н. Леонтьева для психолингвистической теории МКО следует, что каждый носитель конкретной этнической культуры может познавать свой и чужой мир только при помощи *своего образа мира* и не может увидеть мир глазами носителя чужой культуры.

Заключение

Психолингвистическая теория МКО для создания теоретических предпосылок решения проблемы понимания в процессе МКО должна ввести в свой понятийный аппарат представления о внутренних звеньях речевых сообщений.

Содержание речевых сообщений формируется при помощи образов индивидуального сознания говорящего и через этап внутренней речи переводится в образы общественного сознания с опорой на средства вербального моделирования одной из разновидностей общенационального языка.

Предметная и деятельностная форма конкретной этнической культуры индуцируют возникновение этнокультурной специфики индивидуального и общественного сознания, что является первичной причиной непонимания (когнитивного конфликта) в МКО.

Библиографический список

1. *Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen, P.R.* Cross-Cultural Psychology: Research and Applications. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
2. *Мацумото Д.* Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия. СПб.: Прайм–ЕВРОЗНАК, 2008.
3. *Флиер А.Я.* Современная культурология: Объект, предмет, структура // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 124–145.
4. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии : пер. с англ. М.: Прогресс, Универс, 1993.
5. *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960. С. 135–168.
6. *Прохоров А.О.* Ментальные репрезентации психических состояний. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2021.
7. *Чертов Л.Ф.* Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о языковом способе информационной связи. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993.
8. *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон +, 2002.
9. *Дубровский Д.И.* Гносеология субъективной реальности. К постановке проблемы // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. II. № 2. С. 35–55.
10. *Дубровский Д.И.* Проблема «другого сознания» // Проблема сознания в философии и науке / под ред. проф. Д.И. Дубровского. М.: Канон + РООИ „Реабилитация“, 2009.
11. *Смирнова Н.М.* Трансцендентальная интересубактивность, проблема «чужих сознаний» и искусственный интеллект: междисциплинарный подход. М.: Интелл, 2006.
12. *Филатов В.П.* Методология социально-гуманитарных наук и проблема «другого сознания» // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. V. № 3. С. 72–82.
13. *Wisdom J.* Other Minds. Oxford: Blackwell, 1968.
14. *Hyslop A.* Other Minds. Dordrecht: Kluwer, 1995.
15. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс–Традиция, 2000.
16. *Асмолов А.Г.* Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека. М.: НПФ «Смысл», 2007.
17. *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / сост. и отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2005.
18. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1982–1984.
19. *Кон И.С.* Социологическая психология: Избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: Изд-во РПО «Модек», 1999.
20. *Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: Когито-Центр, Институт психологии РАН, 1997.
21. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга, 2012.
22. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, Универс, 1994.
23. *Делёз Ж.* Логика смысла. М.: Издательский центр «Академия», 1995.
24. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.

25. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.
26. Бочкарев А.И. Фундаментальные основы этногенеза. М.: Флинта: МПСИ, 2008.
27. Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 года. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения 22.07.2022).
28. Леонтьев А.Н. Материалы о сознании // Вестник МГУ. Серия: Психология. 1988. № 3. С. 6–25.

References

1. Berry, J.W., Poortinga, Y.H., Segall, M.H. & Dasen, P.R. (2002). *Cross-Cultural Psychology: Research and Applications*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Matsumoto, D. (2008). *Man, culture, psychology. Amazing mysteries, research and discoveries*. St. Petersburg: Prime-EVROZNAK publ. (In Russ.).
3. Flier, A.Ya. (1997). Modern culturology: object, subject, structure. *Social sciences and contemporary world*, 2, 124–145. (In Russ.).
4. Sapir, E. (1993). *Selected works in linguistics and culturology*. Moscow: Progress, Univers. publ. (In Russ.).
5. Whorf, B.L. (1960). The relations between behavioral norms and the language. In: *New in Linguistics*. Vol. I. Moscow: Inostrannaya Literatura publ. pp. 135–168. (In Russ.).
6. Prokhorov, A.O. (2021). *Mental representations of mental states*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.).
7. Chertov, L.F. (1993). *Significance: the experience of theoretical synthesis of ideas about the language method of information communication*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russ.).
8. Dubrovsky, D.I. (2002). *The problem of the ideal; subjective reality*. Moscow: Kanon + publ. (In Russ.).
9. Dubrovsky, D.I. (2004). Gnoseology of subjective reality. To the formulation of the problem. *Epistemology and Philosophy of Science*, II (2), 35–55. (In Russ.).
10. Dubrovsky, D.I. (2009). The problem of “another consciousness”. In: *The problem of consciousness in philosophy and science*, D.I. Dubrovsky (Ed.). Moscow: Kanon + ROOI Rehabilitation publ. (In Russ.).
11. Smirnova, N.M. (2006). *Transcendental intersubjectivity, the problem of “the other minds” and artificial intelligence: an interdisciplinary approach*. Moscow: Intell publ. (In Russ.).
12. Filatov, V.P. (2005). Methodology of social sciences and the humanities and the problem of “other consciousness”. *Epistemology and Philosophy of Science*, V (3), 72–82. (In Russ.).
13. Wisdom, J. (1968). *Other Minds*. Oxford: Blackwell.
14. Hyslop, A. (1995). *Other Minds*. Dordrecht: Kluwer.
15. Stepin, V.S. (2000). *Theoretical knowledge*. Moscow: Progress-Tradition publ. (In Russ.).
16. Asmolov, A.G. (2007). *Psychology of Personality. Cultural-historical understanding of human development*. Moscow: Smysl publ. (In Russ.).
17. Bartminski, Je. (2005). *Linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
18. Vygotsky, L.S. (1982–1984). *Collected works*: In 6 vols. Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ.).
19. Kon, I.S. (1999). *Sociological psychology: Selected psychological works*. Moscow: MPSI; Voronezh: Modek publ. (In Russ.).
20. Cole, M. (1997). *Cultural-historical psychology: the science of the future*. Moscow: Cogito-Center publ., Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.).
21. Leontiev, A.N. (2012). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Kniga publ. (In Russ.).
22. Bart, R. (1994). *Selected Works: Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress Publishing Group, Univers. (In Russ.).

23. Deleuze, G. (1995). *Logique de sens [Logic of Meaning]*. Moscow: Academia publ. (In Russ.).
24. Zinchenko, V.P. (2010). *Consciousness and creative act*. Moscow: Languages of Slavic cultures publ. (In Russ.).
25. Leontiev, A.N. (1983). World image. In: *Selected psychological works*. Moscow: Pedagogika publ. (In Russ.).
26. Bochkarev, A.I. (2008). *Fundamentals of ethnogenesis: Textbook*. Moscow: Flinta — MPSI publ. (In Russ.).
27. Vienna Convention on the Law of the Treaties. Done at Vienna on 23 May 1969. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (accessed 22.07.2022).
28. Leontiev, A.N. (1988). Material on Consciousness. *MSU Vestnik, Series Psychology*, 3, 6–25. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Тарасов Евгений Федорович, доктор филол. наук, профессор, профессор Дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета, *сфера научных интересов*: психолингвистика, теория речевого общения, теория языкового сознания, речевое воздействие; *e-mail*: eft35@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2062-0824; eLibrary SPIN-код: 3606-3220.

Information about the author:

Evgeny F. Tarasov, Doctor in Philology, Professor, Professor of Directorate of Educational Programs, Moscow City University (MGPU). Research interests: psycholinguistics, theory of communication, theory of verbal consciousness, speech impact; *e-mail*: eft35@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2062-0824; eLibrary SPIN-code: 3606-3220.